Текст · 9 апреля 2026, 06:52
Дмитрий Швец,

Что известно об «экстремизме» «Мемориала» и чем движение 40 лет раздражало власти. Краткий гид «Медиазоны»

Сегодня Верховный суд рассматривает иск Минюста о признании экстремистской очередной несуществующей организации — «международного движения "Мемориал"». «Мемориал» — старейшая и важнейшая для России правозащитная и исследовательская институция. Но ни одна из множества структур, которые его составляют, не называется так, как считает Минюст.

Что именно хотят запретить власти — не вполне понятно, а из-за грифа секретности, возможно, так и останется неизвестным. Соответственно, кого и как могут преследовать после запрета, тоже пока неясно. «Медиазона» напоминает об основных направлениях деятельности «Мемориала», который с конца 1980-х до наших дней все сильнее и сильнее раздражает российскую власть. Результатом этого раздражения может стать то, что людям будет негде узнать о своих родственниках, репрессированных в СССР, а сотни современных политзаключенных рискуют остаться без поддержки.

Дело против «Мемориала»

Когда 27 марта стало известно, что Минюст потребовал признать «Мемориал» «экстремистской

организацией», РБК со ссылкой на пресс-службу Верховного суда уточняло: речь идет о запрете одноименного «международного общественного движения». Такой организации не существует, говорит Наталия Секретарева, руководительница юридического направления одноименного Центра защиты прав человека «Мемориал». Среди десятков организаций с таким названием — официально зарегистрированных и нет, — «международного движения» попросту нет.

Кого именно имел в виду Минюст — неизвестно: в карточке дела на сайте Верховного суда ответчик не указан, по данным Секретаревой, о нем не уведомили ни одну из организаций — мемориальцы узнали об иске из прессы. «У дела гриф "совершенно секретно", мы иск не видели и, вероятно, никогда и не увидим. Может быть, увидим решение в будущих уголовных делах, но, с высокой вероятностью, с таким грифом нам ничего не покажут», — прогнозирует она.

До последнего не было даже известно, допустят ли на заседание Верховного суда защитников, которые могли бы представлять интересы «международного движения». По данным одного из мемориальских адвокатов, судья будет принимать решение об этом непосредственно во время заседания.

Секретарева говорит, что в некоторых делах конкретных и реально существующих организаций, которые российские власти решали признать «экстремистскими», юристов допускали до участия в рассмотрении иска: «А вот по делу "международного движения ЛГБТ" никого не пустили, хотя туда пытались зайти разные инициативы,

правозащитники и активисты. Им сказали, что их права не затрагиваются этим решением, что абсурдно, потому что теперь у нас много дел по ЛГБТ-экстремизму».

Верховный суд ликвидировал «Международный Мемориал», 28 декабря 2021 год. Фото: Александра Астахова

Конкретного предположения о том, почему такой иск подан именно сейчас, у нее нет. Однако Секретарева напоминает, что руководитель проекта «Поддержка политзаключенных. Мемориал» Сергей Давидис заочно осужден по статье об оправдании терроризма[1] за репост новости о признании политзаключенными военнопленных из батальона «Азов».

Кроме того, в марте 2023 года у девятерых участников разных «мемориальских» объединений прошли обыски по делу о реабилитации нацизма. Конкретных подозреваемых в нем так и не появилось. «Оно было связано с наличием около 20 имен предположительных пособников нацистов из Украины в базе исторического "Мемориала", — рассказывает собеседница "Медиазоны". — Тогда кучу всего изъяли. Мое предположение: дело затухло, но что-то из него попало в иск. Есть еще факт, что [сопредседатель ЦЗПЧ, осужденный за "дискредитацию армии"] Олег Орлов участвует в ПАСЕ, но достоверных сведений вообще никаких нет».

До 2021 года столпами мемориальского движения были «Международный Мемориал», который занимался историческими исследованиями советских репрессий, и одноименный правозащитный центр — старейшие просветительские и правозащитные организации, первая из которых появилась еще в СССР, а вторая сразу после его распада. Оба эти объединения были ликвидированы в конце 2021 года с разницей в один день по довольно формальным основаниям — за нарушение законодательства об «иностранных агентах»[2].

В случае с правозащитным центром, говорит Секретарева, была еще и экспертиза об оправдании терроризма, но в итоговое решение суда она не вошла. Юристы посчитали, что «отбили это обвинение», но теперь правозащитница допускает, что оно может всплыть в новом процессе, если его содержание когда-нибудь станет известно.

После 2021 года вместо правозащитного центра были созданы Центр защиты прав человека и отдельный проект «Поддержка политзаключенных. Мемориал». «В 2023 году была создана Международная ассоциация "Мемориал", но даже она не объединяет все "Мемориалы" и не имеет управленческих функций. В 2026 году ее внесли в реестр "нежелательных организаций". Международная часть раскололась на большое количество более мелких организаций», — объясняет Секретарева непростую структуру «Мемориала».

Но даже такая сложная и разветвленная структура вряд ли способна защитить от

обвинений в «экстремизме». Практика подобных дел — когда «экстремистским» объявляют некое несуществующее «международное движение», будь то ЛГБТ, сатанизм или А.У.Е. — показывает, что его «подразделения» могут нигде и не указать. А значит, риску подвергается любая инициатива, хоть как-то связанная с брендом «Мемориала».

По словам Секретаревой, правозащитники уже планируют после решения суда объявить о прекращении деятельности в России. А юристы посоветовали отписаться от почтовой рассылки и соцсетей центра тем, кто живет или бывает в России, перестать комментировать, лайкать, репостить и жертвовать любым связанным с «Мемориалом» организациям.

В этих обстоятельствах «Медиазона» посчитала важным рассказать о главных направлениях деятельности «Мемориала». С годами эта деятельность раздражала российскую власть все сильнее, и в итоге от «иноагентства» привела к «нежелательности», а теперь и к «экстремизму».

Полицейские наручники на двери офиса Мемориала, Москва, 2021 год. Фото: Дарья Кротова / Мемориал

Поиск информации о репрессированных родственниках

«Мемориал» сформировался в конце 1980-х — в первую очередь как историко-просветительское общество, которое занималось сохранением памяти о репрессиях и их изучением. С самого начала мемориальцы имели дело с индивидуальной памятью и индивидуальными случаями. И потому одним из главных направлений деятельности организации всегда была обработка обращений людей, которые хотели узнать о судьбе своих родственников, репрессированных в Советском Союзе.

Как рассказывает историк Сергей Бондаренко, написавший книгу «Потерянные в памяти: общество "Мемориал" и борьба за прошлое в России», сотрудники архива во время очных консультаций объясняли, куда нужно писать запросы и помогали их составлять. С какого-то момента запросить информацию также можно было онлайн. «Это были тысячи запросов в год, — говорит Бондаренко. — Менялось поколенчески: сначала вал был большой, потом он немножко спадал, а потом увеличивался, когда публиковались новые списки, начинало больше фамилий гуглиться и так далее».

В последние годы работы историки активно пользовались базами, уже опубликованными в интернете и содержащими какие-то первичные данные. «Но одно дело — это короткая справка об аресте с именем, а другое — большая история, которая может за этим стоять, ведь можно запросить следственное дело, узнать информацию о лагере», — рассуждает Бондаренко.

Сотрудники продолжали архивную работу и поиск информации по запросам и после 2021 года,

когда «головной» «Международный Мемориал» был ликвидирован. И эта работа была «двусторонней». Благодаря обращениям родственников историки узнавали, какая память о репрессиях и вполне конкретные документы сохранились в семьях: «Это такой обмен, который перманентно происходил — да, в общем, и происходит».

Что будет с запросами после потенциального «экстремизма», пока не вполне понятно. Архивные онлайн-ресурсы сейчас закрыты — в ожидании правоприменительной практики. «Мы хотим увидеть хоть какую-то резолютивную часть решения, чтобы подумать, что более, а что менее опасно», — говорит Бондаренко.

Архив «Мемориала» в Москве, 2021 год. Фото: Evgenia Novozhenina / Reuters

Архив и книги памяти

Формирование архива «Мемориала», который в большой степени пополнялся благодаря запросам родственников репрессированных, Бондаренко называет «контрработой». Она велась из-за того, что огромное количество информации о репрессиях никогда не аккумулировалось: это касается не только документов, но и личных вещей и других, самых разных артефактов.

«Архив пополнился десятками тысяч дел с документами репрессированных, более чем тысячью

мемуаров, сотнями крупных личных и семейных собраний, десятками фондов исследователей истории ГУЛАГа и СССР», — сообщал archive.memo.ru-. На этом сайте была выложена некоторая часть оцифрованного архива, а также содержались указатели пока что неопубликованных документов. Сейчас этот сайт закрыт, но доступ к его копии можно получить через *Wayback Machine*.

Как предполагает Наталия Секретарева, после 9 апреля власти могут попытаться заполучить этот архив: в решениях Верховного суда о признании организаций экстремистскими указывается, что их имущество обращается в пользу государства. Она напоминает, что глава пермского Центра исторической памяти Александр Чернышов находился в СИЗО и получил условный срок по обвинению в покушении на контрабанду культурных ценностей[3] — по версии следствия, он пытался вывезти в Германию архив пермского «Мемориала».

«Есть государственная экспертиза, которая говорит, что это — культурная ценность, потому что это единственная в Пермском крае организация, которая занималась изучением репрессий, — говорит юристка. — А во-вторых, "Мемориал" получил Нобелевскую премию, и все представляет ценность. При том, что они до этого "Мемориал" ликвидировали!»

Как объяснял экс-глава пермского «Мемориала» Роберт Латыпов, речь шла не об артефактах вроде судебных документов, а о записях самой организации: протоколах заседаний, списков участников, заявок на гранты.

Помимо архива, еще в 1990-е «Мемориал» работал над составлением книг памяти — поименных списков жертв политических репрессий, которые образуют базу под названием «Жертвы политического террора в СССР» — она тоже была опубликована на сайте «Мемориала», который сейчас не работает[4].

«Их собирали в основном по регионам в 1990-е, когда были более открытые отношения с местными прокуратурой и ФСБ, это вытащенные из архивов списки арестованных и расстрелянных. Там указаны около 3,5 миллионов человек, но, по оценкам того же "Мемориала", число может достигать и 12 миллионов, — объясняет Бондаренко. — Собрание поименного списка репрессированных по политическим причинам было одной из главных работ "Мемориала", и теперь непонятно, в каком статусе после решения суда будет существовать эта база».

Митинг памяти жертв сталинизма у Соловецкого камня в Москве 30 октября 1990. Фото: Архив Дмитрия Борко

Исследовательская работа и акции

В первой половине 1990-х, когда независимых историков относительно свободно пускали в архивы спецслужб, несколько мемориальских исследователей работали над тем, чтобы через документы реконструировать, каким был государственный террор в СССР, говорит Бондаренко.

«Я бы сказал, в широком смысле современное понимание, что такое советский террор, связано с работой "Мемориала" — они наиболее четко сформулировали концепцию, — считает он. — Было облачное представление: известно немало названий, мемуары, но вот систематическая картина — как была устроена система, как связаны между собой лагеря — появилась благодаря мемориальским исследованиям, и, пожалуй, это самое важное с точки зрения истории».

Акция Возвращение имен, Москва, 2015 год. Фото: Александра Астахова

В качестве примера таких систематизирующих документов он приводит справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960», изданный в 1998 году. С докладами и лекциями на эту тему активно выступал один из основателей «Мемориала» Арсений Рогинский.

Многопрофильная работа, посвященная памяти о репрессированных, вылилась и в разные публичные активности, посвященные этой теме; пожалуй,

самая известная из них — это Возвращение имен, положенная «Мемориалом» традиция читать списки репрессированных 29 октября, в День политзаключенного. Московские власти с 2021 года эту акции не согласуют, однако она все равно проводится в других российских и зарубежных городах, а также онлайн.

Акция Возвращение имен, Москва, 2018 год. Фото: Александра Астахова

Войны и Северный Кавказ

Правозащитная деятельность «Мемориала» велась параллельно с исторической, и порой люди участвовали в обоих направлениях одновременно. Правозащитники активно занимались мониторингом в обе чеченские войны.

В первую чеченскую кампанию уполномоченным по правам человека при президенте был председатель обоих «Мемориалов» Сергей Ковалев. Одним из самых мрачных эпизодов той войны стало убийство 103 мирных жителей в селе Самашки в 1995 году, которое расследовали правозащитники. А во вторую кампанию предметом расследования стало убийство 56 человек в селе Новые Алды в 2000 году.

«После первого случая в Москве состоялась пресс-конференция с иностранными журналистами, это была попытка повлиять на войну с разных сторон,

привлечь внимание к общественным преступлениям. Еще "Мемориал" участвовал на локальном уровне в маленьких перемириях, обменах пленными, — говорит Бондаренко. — Вторую войну Россия вела по-другому, было меньше возможности что-то остановить, но вот сама фиксация ситуации, создание докладов… этого еще было много, и это дало наибольшую известность правозащитному центру».

Мониторинг вооруженных конфликтов продолжился и с началом войны в Украине: в 2015 году доклад, опубликованный после посещения Донбасса, готовил еще Правозащитный центр «Мемориал», а в 2025 — уже «Центр защиты прав человека», тоже по итогам поездки в Украину. Соавтором этих докладов был один из старейших сотрудников «Мемориала» Олег Орлов, осужденный в 2023 году на 2,5 года за «дискредитацию армии» и впоследствии обменянный как политический заключенный.

Кроме того, «Мемориал» регулярно выпускает бюллетени, посвященные правам человека на Северном Кавказе, в которых анализируют актуальные события. Например, в докладе за осень 2025 года речь шла о завершении «Ингушского дела[5]», убийствах бежавших от домашнего насилия чеченок, убийстве бывшего администратора телеграм-канала и публичном конфликте главы Чечни Рамзана Кадырова с Владимиром Шамановым, бывшим командующим российской группировкой войск в Чечне.

Современные политические заключенные

Один из самых заметных проектов, посвященных актуальным событиям, называется «Поддержка политзаключенных. Мемориал». Это, среди прочего, база из пяти тысяч человек, которые были лишены свободы «с признаками политического мотива и незаконности» (почти полторы тысячи из них признаны политзеками).

Руководитель проекта Сергей Давидис говорит, что это, «наверное, самая полная и точная база о репрессиях». Целью ее сбора он называет предоставление информации об инструментах помощи политзекам: адреса для писем, контакты групп поддержки, указания на сборы денег. Часто в карточках конкретных людей есть фотографии и изложены обстоятельства преследования: статьи, даты, приговоры.

«База собирается мониторингом, ручным и автоматическим: сайты судов, региональные СМИ. И есть мощный поток прямых запросов и обращений к нам: сообщают о ком-то, про кого мы не знаем, — говорит Давидис. — Бывает, что люди посещают суды и фиксируют назначенные заседания по статьям, которые дают основание полагать, что преследование носит политический характер. Бывает, что люди из переписки что-то узнают — в общем, всеми способами, которые можно представить».

7 апреля проекту исполнилось четыре года, и «Поддержка политзаключенных» приводит

статистику за это время: 45 млн рублей собрано и потрачено на помощь политзекам, 141 человеку оказали юридическую поддержку на следствии и суде, 87 людям — из-за нарушения их прав в заключении, 327 человек получили гуманитарную помощь. Проект признали «иностранным агентом», а Давидиса заочно осудили за «оправдание терроризма»: политзеками признали служащих «Азова».

«Понятно, что принципиально изменить ситуацию невозможно — политические репрессии для того и осуществляют, чтобы презреть закон, мораль, гуманность, но в наиболее вопиющих ситуациях удается помочь людям», — говорит Давидис. В качестве примера он приводит кампанию с призывом освободить женщин-политзаключенных, у которых есть несовершеннолетние дети. Давидис полагает, что «не кажется невозможным», чтобы государство кого-то освободило, желая «продемонстрировать свое человеческое лицо».

При этом юристка Центра защиты прав заключенных Наталия Секретарева отмечает, что помогают они непублично, и никакой конкретики для публикации она рассказать не может.

«Это помощь по условиям содержания: постоянные ШИЗО, бесчеловечные условия содержания, отказ в лечении. Бывает, что людей не освобождают по состоянию здоровья из колоний, хотя это прямо предусмотрено законом. Бывает, что человека не лечат, даже когда подозрение онкологии, — говорит она. — И мы представляем людей, которых незаконно преследуют власти. Последние годы мы, что иронично, концентрировались на помощи тем, кого

преследуют по экстремистским и террористическим статьям».

Обновлено в 13:55 мск: *Верховный суд удовлетворил иск и признал экстремистким «Международное общественное движение "Мемориал" и его структурные подразделения».*

Редактор: Мика Голубовский

---

1. Часть 2 статьи 205.2 УК.

2. ПЦ «Мемориал» получил этот статус еще в 2014 году, а «Международный Мемориал» два года спустя.

3. Часть 3 статьи 30; пункт «в» части 2 статьи 226.1 УК.

4. Однако эта база также доступна через web.archive.org

5. Оно связано с протестами в Магасе в 2019 году.